Шлыков П.В.¹ ©, 2020

Между США, Европой и Евразией: Трансформация внешнеполитических приоритетов Турции²

Аннотация. В статье анализируется корреляция внутриполитической трансформации Турции с изменениями ее внешней политики по ряду значимых параметров – уровню активности, региональной направленности, идеологическому оформлению, используемым инструментам и риторике. Нестабильность международно-политической конъюнктуры и стремительные изменения ситуации на Ближнем Востоке существенно осложнили для Турции задачу выработки новой модели внешней политики. Ее контуры рассматриваются в статье в трех измерениях – европейском, американском и евразийском (в отношениях с ЕС, США и Россией). В отношениях с ЕС у Турции де-факто сформировалась новая модель взаимодействия и сотрудничества («дифференцированная интеграция»), которая, с одной стороны, отражает масштаб включенности Турции в общеевропейское пространство в сфере политики, экономики, культуры и безопасности, с другой – подчеркивает фундаментальность обнажившихся расхождений в вопросах европейских ценностей демократии и прав человека. Отношения Турции с США в настоящее время также проходят этап «маятниковых флуктуаций», динамику которых определяет

¹ Шлыков Павел Вячеславович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока Института стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова, старший научный сотрудник Отдела Азии и Африки ИНИОН РАН (shlykov@iaas.msu.ru).

² Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00142).

ряд значимых расхождений по ключевым вопросам региональной политики. Для выработки новой модели внешней политики Турции динамика развития турецко-американских отношений за последние два десятилетия имеет принципиальное значение, поскольку отражает процесс формирования нового баланса приоритетов и ценностных установок, в котором ценностно-идеологическая солидарность с Западом, характерная для периода холодной войны, все больше уступает место соображениям, связанным с текущими и долгосрочными интересами Анкары. «Евразийский вектор» внешней политики Турции – это не ответ на дилемму выбора между Западом и Востоком, а поиск стратегического баланса между ними, который в полной мере отвечал бы ее интересам и амбициям. Кроме того, «евразийская альтернатива» – это важный стресс-тест для отношений Турции не только с региональными державами (от республик Центральной Азии до Ирана, Пакистана и Индии) и Россией, но и с ключевыми западными союзниками – ЕС и США.

Ключевые слова: Турция, ЕС, США, Россия, турецко-американские отношения, российско-турецкие отношения, европеизация, Ближний Восток, Евразия, турецкое евразийство.

Исторически Турцию можно рассматривать как одну из самых «вестернизированных» стран Ближнего и Среднего Востока. Реформы Мустафы Кемаля Ататюрка, направившие Турцию «на путь европейской цивилизации», определили вектор ее общественно-политического развития на весь XX век. Существенные трансформации затронули не только внутривластную и экономическую сферы, но и предопределили характер внешней политики Турции в указанный период.

Во второй половине XX в. происходила активная интеграция Турции в политэкономическое пространство Запада. В институциональном плане ее важными вехами стали вступление Турции в Совет Европы (1949), НАТО (1952), ОЭСР (1961), ОБСЕ (1973), ЕБРР (1991), Европейский таможенный союз (1995). Квинтэссенцией европейских устремлений Турции стала ее заявка на вступление в Европейский союз (ЕС) и получение статуса страны-кандидата на Хельсинкском саммите 1999 г.

Переговорный процесс о вступлении в ЕС и масштабное реформирование политической системы, экономической и социаль-

ной сфер жизни Турции с целью выполнения критериев членства в Евросоюзе стали движущими силами масштабной либерализации политической жизни в стране. С 2001 по 2005 г. коалиционные правительства Демократической левой партии, Партии отечества и Партии националистического действия, а затем правительство победившей на выборах 2002 г. Партии справедливости и развития (ПСР) не только провели существенную ревизию Конституции и Гражданского кодекса, но и приняли в парламенте целую серию «пакетов по гармонизации» турецкого и европейского законодательства. Все это позволило европейским и американским лидерам рассматривать Турцию в качестве демократического светского исламского государства, представляющего собой альтернативу радикальному исламу на Ближнем Востоке.

Однако пробуксовка процесса евроинтеграции и его стагнация, ставшая очевидной к середине 2000-х годов, дали правящей партии и ее лидеру Реджепу Эрдогану повод для переоценки процесса политического реформирования. Безальтернативная устремленность в ЕС постепенно сменилась более избирательной имплементацией требований и норм евроинтеграции. В результате в политической элите Турции сформировался определенный консенсус по вопросу об интеграции, связанный с убеждением, что европейские законодательные и управленческие практики могут быть адаптированы к турецким реалиям лишь частично и лишь в тех областях, где это соответствует национальным интересам Турции.

В конце 2000-х годов влияние регулирующего фактора ЕС заметно снизилось, что вкупе с глубокими внутренними трансформациями турецкого общества, обусловленными ростом влияния ислама в политической жизни страны, и пересмотром кемалистской модели привело к тому, что во внутренней политике Турции отчетливо наметилась тенденция к девестернизации. Ее проявлениями во внешней политике страны стали поиски новой парадигмы взаимодействия с крупнейшими западными игроками (ЕС и США), Россией и соседями по региону.

Европейский вектор

В настоящее время, в конце 2010-х годов, перспективы вступления Турции в ЕС выглядят все менее реалистичными. В риторике европейских лидеров прочно закрепились нелестные характеристики, касающиеся политического развития Турции последнего десятилетия. Прежний председатель Европейской комиссии Жан-Клод Юнкер однозначно обозначил дилемму в отношениях Анкары и Брюсселя, связанную с полным неприятием со стороны ЕС курса на сворачивание демократических реформ в Турции: «Страны-кандидаты должны отдавать наивысший приоритет защите прав человека, следованию принципам правового государства и приверженности ценностям демократии. Все это на ближайшую перспективу исключает для Турции возможность членства в ЕС» [Juncker, 2017]. Текущий кризис в отношениях с Брюсселем, переговорный процесс с которым застопорился еще в середине 2000-х годов, привел к необходимости поиска новой модели взаимодействия между Турцией и ЕС [Müftüler-Baş, 2017]. Причем контуры этой новой модели отношений зависят не только от Турции и не только от степени выполнения Анкарой предписаний ЕС, но и от динамики интеграционных и дезинтеграционных процессов в рамках самого Евросоюза.

Отношения Турции и ЕС характеризуются, с одной стороны, высокой степенью взаимозависимости в сфере экономики и международной безопасности, с другой – крайней политизированностью вопроса об интеграции как внутри Турции, так и в странах ЕС. Это обстоятельство делает практически невозможным реализовать привычную модель евроинтеграции в отношении Турции. Со времени официального старта в 2005 г. переговорного процесса о вступлении в ЕС было «открыто» лишь 16 из 35 переговорных глав, одна из которых впоследствии была условно закрыта. При этом в Европарламенте неоднократно звучали настойчивые требования приостановить все переговоры об интеграции с Турцией – особенно из-за масштабных нарушений прав и свобод человека в этой стране в ходе репрессий после июльского путча 2016 г. [2016 Report., 2017].

Тем не менее, несмотря на эскалацию напряженности в политических отношениях, ЕС и Турция продолжают сотрудничать по ряду важных вопросов, прежде всего по вопросу регулирования миграционных потоков. В декабре 2016 г. Еврокомиссия даже выдвинула инициативу о начале переговоров с Турцией о расширении сферы таможенного союза (хотя эту инициативу впоследствии заблокировала Германия) [Kirişci, Bülbül, 2017]. О намерении ЕС максимально использовать потенциал сотрудничества с Турцией говорят и результаты недавних встреч на высшем уровне. Как показал саммит Турция – ЕС, проходивший в марте 2018 г. в Варне, лидеры ЕС, с одной стороны, не торопятся снимать с повестки дня вопрос о продолжении переговоров об интеграции, с другой – стремятся в полной мере использовать существующий потенциал партнерства с Анкарой в самых разных сферах [EU-Turkey leaders..., 2018].

Расширение сферы сотрудничества – одно из перспективных направлений для оживления отношений Турции и ЕС. Механизмы партнерства, появившиеся благодаря созданию в 1995 г. таможенного союза Турции с ЕС и включению Турции в большинство международных европейских программ в самых разных областях (от торговли и научно-технического сотрудничества до медицины и образования), уже давно составляют основу многосторонних отношений.

Для расширения сферы торгово-экономического сотрудничества Турции и ЕС в 2015 г. была создана новая переговорная платформа – Экономический диалог высокого уровня. Включенность Турции в общеевропейские дела реализуется и по линии Общей внешней политики и политики безопасности ЕС (ОВПБ), а также Общей политики безопасности и обороны ЕС (ОПБО). Турция принимает участие в инициированных ЕС международных миссиях, а также неформальных встречах глав МИД по вопросам синхронизации и сопряжения усилий в реализации общей политики ЕС.

Турция глубоко вовлечена и в реализацию энергетической политики ЕС: об это свидетельствует не только принятие Турцией общеевропейских норм и правил в сфере энергетики, но и взаимо-

действие в рамках созданного в 2015 г. Диалога высокого уровня Турция – ЕС по энергетическим вопросам. Сфера науки и образования – еще одна значимая область многостороннего взаимодействия. Сотрудничество ведется в рамках научно-исследовательских программ по интеграции научных ресурсов в ЕС – «Эразмус+» и «Европейское научное пространство».

В последнее время Турция активно наращивает участие в мероприятиях, связанных с созданием «пространства свободы, безопасности и справедливости»: были заключены соглашения с полицейской службой ЕС (Европол) и Европейским агентством по пограничному контролю о реадмиссии незаконных мигрантов. В том же ряду – переговоры о либерализации визового режима для свободного въезда граждан Турции в еврозону. В 2009 г. Турция в качестве наблюдателя вступила в объединенные силы военной полиции ЕС (Европейскую жандармерию).

Многообразие направлений сотрудничества Турции и ЕС и форм их взаимодействия, которое не застопорилось, несмотря на воинственную риторику как турецких политиков, так и их европейских визави, отчетливо показывает, что Анкара и Брюссель уже де-факто выработали модель сотрудничества и интеграции, способную стать альтернативой членству Турции в ЕС. Некоторые исследователи справедливо полагают, что Турции и ЕС для оживления отношений необходимо реализовать стратегию «расширенного дифференцированного партнерства», что позволило бы, с одной стороны, преодолеть очевидную стагнацию политических отношений, придав им более прикладной и функциональный характер, с другой – безболезненно отложить до лучших времен вопрос о полномочном членстве Турции в ЕС [Müftüler-Baş, 2017]. В долгосрочной перспективе политическая конъюнктура в Турции и странах ЕС может измениться, и полное прекращение переговорного процесса Анкары и Брюсселя может оказаться недальновидным решением [Ülgen, 2012].

Парадокс переговорного процесса с Брюсселем заключается в том, что переговоры одновременно крайне трудно как продолжить в полном формате, так и окончательно остановить, поскольку в них уже вовлечено множество участников с обеих сторон и придется

учитывать слишком много разнообразных факторов внутри- и внешнеполитического характера. «Новая формула отношений» Турции и ЕС, которую предложил европейский комиссар по вопросам расширения и политики добрососедства Йоханнес Хан, отнюдь не означает, что Еврокомиссия решила завершить переговорный процесс с Анкарой [EU membership., 2017]. Такое решение, учитывая важность отношений с Турцией как в торгово-экономической сфере, так и в вопросах международной безопасности, было бы крайне невыгодно для Евросоюза. Турция, несмотря на антизападную риторику ее политических лидеров, также не заинтересована в прекращении переговорного процесса с ЕС. Поэтому реалистичный сценарий развития отношений – продолжение переговоров о членстве в ЕС (в качестве отдаленной перспективы) с упором на поиск подходящего формата взаимоотношений по формуле «полноформатное партнерство минус членство» [Karakaş, 2013].

Стоит добавить, что существующие модели партнерства такого рода – Европейская экономическая зона или «континентальное партнерство» ЕС с Великобританией – неприемлемы для Турции, поскольку в силу региональной или страновой специфики их невозможно механически экстраполировать на совершенно другое государство. В отличие от Турции, у Норвегии, Швейцарии или Великобритании нет проблем с выполнением «Копенгагенских критериев», и при этом экономическое положение данных стран достаточно устойчиво, что вкупе с хорошими макроэкономическими показателями и наличием значительных финансовых ресурсов дает им возможность обходиться без европейских фондов. Кроме того, если для Турции стремление к членству в ЕС на протяжении многих десятилетий составляло важную часть политического целеполагания, у богатых стран, входящих в Европейское экономическое пространство, не было подобных чаяний.

Негативная динамика турецко-американских отношений

Исторически прозападное направление внешней политики Турции оказалось прочно увязано с особыми отношениями между Анкарой и Вашингтоном. С середины XX в. Турция стала одним из главных и самых последовательных союзников США в регионе,

«форпостом Запада» на ближних подступах к СССР. С окончанием «классической» холодной войны вовлеченность Турции в орбиту американской политики лишь возросла: в 1990-е годы Турция помогала США в реализации политики по сдерживанию Ирака и Ирана, в проведении военных операций на Балканах, развертывании энергетического коридора «Восток – Запад»; в 2000-е годы вошла в международную антитеррористическую коалицию во главе с США. Помимо этого, Турция служила для США «витриной» западной демократии в регионе – как страна, где либеральные ценности свободного рынка и демократии прекрасно уживаются с исламом.

В 2009 г., воодушевленный результатами реформ по демократизации в Турции и успехами ее экономического развития, президент США Барак Обама назвал отношения между двумя странами «эталонным сотрудничеством» [Remarks., 2009], а в 2012 г. заявил, что Реджеп Эрдоган – один из пяти мировых лидеров, которым он полностью доверяет [Zakaria, 2012]. Однако уже в 2013 г. коллапс турецких внутривластных реформ, ярким проявлением которого стали массовые протесты по всей Турции, обострившиеся расхождения в подходах к сирийскому кризису и множество других внезапно обнажившихся противоречий знаменовали начало деградации турецко-американских отношений. После путча 2016 г. и последовавшего за ним всплеска антизападных настроений¹ Обама удостоил турецкого лидера совсем другими эпитетами – «неудачник и автократ» [Goldberg, 2016].

К 2018 г. турецко-американские отношения оказались на самом низком уровне за всю историю их развития. Очевидные проблемные зоны и сферы расхождения интересов – разные подходы к сирийскому урегулированию, тактический союз США и сирийских курдов – это только вершина «айсберга»; гораздо более глубокие разногласия обусловлены структурными факторами текущего кризиса вкупе с различиями в глобальных и региональных приорите-

¹ Как показывают социологические опросы, в Турции в ряду глобальных угроз на первое место ставят не международный терроризм или миграционные потоки, а политику США (ее отметили более 72% респондентов) [Manevich, Chwe, 2017].

тах двух стран и их политических элит. Далеко идущие планы наращивания экономического сотрудничества – проект «турецко-американского партнерства» с созданием зоны свободной торговли и подключение Турции к Трансатлантическому торговому и инвестиционному партнерству – остались нереализованными. Растущее непонимание обнаружилось и в сфере безопасности, поскольку представители американских и турецких спецслужб стали по-разному подходить к вопросам контроля за перемещением иностранных боевиков на территориях, занятых «Исламским государством» (ИГ), и в целом к методам борьбы с ИГ в Сирии и Ираке. Так сотрудничество между США и Турцией из «стратегического» и «образцового» стало «дисфункциональным» (подробнее см.: [Шлыков, 2019, с. 186–187]).

В Сирии Турция и США фактически оказались «по разные стороны баррикад», поддерживая конфликтующие между собой стороны и придерживаясь разных подходов к проблеме свержения режима Башара Асада. В поисках эффективного союзника в борьбе с ИГ США поддержали Сирийскую демократическую армию – альянс сил вооруженной оппозиции в Сирии, включающий курдские отряды народной самообороны, различные арабские оппозиционные группы (Армия революционеров и др.), входящие в Сирийскую арабскую коалицию, а также ассирийские и туркменские отряды.

Однако Турция считает все действующие на территории Сирии курдские вооруженные формирования пособниками Рабочей партии Курдистана (РПК), которая с 1980-х годов ведет непримиримую борьбу за «независимость курдов», т.е. за создание курдской автономии (в перспективе – государства) и расширение культурных и политических прав курдов. По мнению властей Турции, и отряды курдской самообороны, и курдская партия «Демократический союз» представляют прямую угрозу безопасности и территориальной целостности страны. Поэтому Анкара поддерживает другую оппозиционную группировку – Свободную сирийскую армию – в ее действиях по созданию зоны безопасности в подконтрольных курдам северных приграничных районах Сирии. Турция также тесно взаимодействует с Катаром, поддерживающим раз-

личные исламистские группировки, участвующие в гражданской войне в Сирии. Кроме того, на сирийском направлении Турция координирует свои действия с Россией и Ираном, рассчитывая заручиться их поддержкой в противодействии расширению автономии сирийских курдов – Рожавы, или Западного Курдистана. Сотрудничество с Россией важно для Турции и с точки зрения сдерживания продвижения правительственной армии Сирии в провинцию Идлиб: турецкие власти небезосновательно опасаются, что оттуда может хлынуть новый поток сирийских беженцев и к уже находящимся на территории Турции более 3,5 млн сирийцев прибавится еще 800 тыс. [Kirişçi, 2018].

Несмотря на договоренности с Вашингтоном о выводе курдских подразделений из г. Манбиджа, турецкие силы продолжают свои операции по оттеснению курдов с территорий к западу от Евфрата, что повышает риск военного столкновения турецких вооруженных сил с военными силами США. Анкара настойчиво требует от Вашингтона вывести американские подразделения из региона и прекратить оказание помощи вооруженным формированиям сирийских курдов. США, в свою очередь, открыто высказывают подозрения, что турецкие спецслужбы используют бывших боевиков ИГ и других экстремистов для борьбы с курдами на приграничных с Турцией территориях [Kanat, Hannon, 2018]. Все это в совокупности свидетельствует о том, что напряженность, существующая между Турцией и США на сирийском направлении, едва ли уменьшится в ближайшей перспективе.

Не менее серьезные расхождения интересов и подходов наблюдаются у США и Турции и на иранском направлении. Когда администрация Дональда Трампа заявила о выходе из соглашения о Совместном всеобъемлющем плане действий (СВПД), которое было заключено в 2015 г. между Ираном и «шестеркой» международных посредников, и усилила санкционное давление на Иран, официальная Анкара не только осудила введение новых антииранских санкций, но и заявила, что не станет сворачивать торгово-экономические отношения с Ираном [Kucukgocmen, Gumrukcu, 2018]. Экономика Турции в значительной степени зависит от внешних поставок энергоносителей, и сохранение торгово-эконо-

мических отношений с Тегераном на достаточно высоком уровне – вопрос стратегической важности для Анкары (в год подписания СВПД поставки из Ирана составляли 21% от турецкого импорта нефти и 16% от импорта газа) [Türkiye'nin enerji., 2019]. В 2010-е годы по объемам внешней торговли с Турцией Иран занимал первое место среди государств Персидского залива (лишь в 2017 г. он уступил первенство ОАЭ) [Türkiye-İran., 2018]. Поэтому Турция приняла решение открыто противостоять американской политике изоляции Ирана, а также изыскивать возможности для обхода расширяемых по инициативе США антииранских санкций [Solaker, 2018]. При этом разногласий по ближневосточным делам между Анкарой и Тегераном достаточно: особое раздражение Турции вызывает нежелание Ирана в полной мере помогать в борьбе с РПК [Turkish FM., 2018]; кроме того, между двумя странами существуют глубокие противоречия, связанные с разным видением будущего послевоенного устройства Сирии.

Еще более рельефно кризис в отношениях между Турцией и США проявляется во взглядах на способы урегулирования ближневосточного конфликта и в вопросах взаимоотношений с Израилем и Палестиной. Напускная враждебность Турции по отношению к Израилю отчасти является производной конкурентной борьбы за доминирование на Ближнем Востоке, в которой Турция соперничает одновременно и с Израилем, обладающим ядерным оружием и серьезным военно-политическим и экономическим потенциалом, и с мусульманскими странами – Саудовской Аравией и Ираном.

Прочими катализаторами кризиса турецко-американских отношений выступают еще как минимум три фактора: отказ США выдавать Турции Фетхуллага Гюлена, экономическое давление, которое США оказывают на Турцию посредством секторальных санкций, и тесно связанный с этим рост антиамериканизма в Турции. В том же ряду – контракт на закупку российских систем ПВО С-400, который в последнее время стал одним из главных символов разлада между Турцией и США.

Евразийская альтернатива

На фоне кризиса в отношениях с США и ЕС вкупе с переосмыслением своего места в мировой политике в Турции все активнее поднимается тема евразийского вектора внешней политики и полифоничной «евразийской альтернативы»¹. Наиболее радикальные сторонники евразийских идей считают, что Турции не по пути с западным миром – она должна выйти из НАТО и отказаться от стремления стать членом ЕС; поскольку главные интересы Турции лежат за пределами Запада, ей следует присоединиться к России и Китаю, противостоящих западноцентричному миру. Так, по мнению видного представителя современного турецкого евразийства Эрала Манисалы, хотя «Турция всегда проводила политику в соответствии с интересами США, Израиля и ЕС, взваливая на себя бремя поддержки их региональной политики, ее стратегические интересы – быть с Россией, Китаем и Ираном... таков императив трансформации современного миропорядка» [Manisalı, 2012]. Другой теоретик турецкого евразийства, лидер партии «Родина» (в прошлом – Рабочей партии Турции) Догу Перинчек уверен, что Турция должна «дружить с Китаем и Россией, чтобы избавиться от США», поскольку ее судьба – «быть на передовой формирующейся Евразийской цивилизации... в евро-атлантическом мире Турции уготовлена роль покорного слуги, а в Евразии она – равноправный партнер» [Perinçek, 2012].

Турецкие евразийцы убеждены, что Турция должна не только осуществить «поворот на Восток» в политико-экономическом отношении, но и выстраивать военно-стратегический союз с Россией и Китаем. Они с большим воодушевлением поддержали начало военно-технического сотрудничества с Москвой и Пекином, наращивание которого, с их точки зрения, неизбежно должно вызывать обеспокоенность США (примером может служить реакция Белого дома на совместные турецко-китайские учения «Мирная миссия

¹ В рамках полифонии трактовок и подходов к евразийству в Турции со-
держательно оформились два магистральных направления – концепт Евразии как
географического метапространства и турецкие версии евразийской / неоевразий-
ской идеологии (подробнее см.: [Шлыков, 2017]).

2010», проходившие в провинции Конья при финансовой поддержке ШОС [ABD, Çin-Türk., 2011]). Развитие военно-технического взаимодействия с Россией (в частности, контракт на покупку российских систем ПВО С-400) евразийцы считают не только проявлением экономического прагматизма, но и показателем независимости Турции от Запада в военной сфере [Polat, 2019]. Такая позиция Турции, укладывающаяся в логику российского «поворота на Восток», была позитивно воспринята российской политической элитой.

Успехи прозападных реформ конца 1990-х – начала 2000-х годов турецкие евразийцы всегда оценивали скептически, выступали против расширения гражданских прав в соответствии с рекомендациями Совета Европы в 1990-е годы, критиковали вступление Турции в таможенный союз с ЕС в 1995 г. С точки зрения евразийцев, либеральные реформы 1990-х – начала 2000-х годов превратили «курдский вопрос» из проблемы исключительно национальной безопасности в предмет политических дискуссий и рассуждений о правах человека. Такая непримиримая позиция по острым вопросам внешней и внутренней политики ставила евразийцев в маргинальное положение среди политического класса Турции. В 1990-е и 2000-е годы во власти доминировали сторонники либеральных взглядов, которые не давали возможности приверженцам евразийства оказывать влияние на политику в стране.

Однако в 2010-е годы ситуация кардинальным образом изменилась, и в настоящее время в турецкой политике все рельефнее проступает влияние евразийских идей. Правящая ПСР подвергла ревизии собственную стратегию «исламской демократической партии» (выстроенную по стратегической модели правоцентристской Христианско-демократической партии Германии), исходно основанную на приверженности либеральным ценностям и принципам миролюбивой внешней политики и нацеленную на добрососедские отношения с региональными и внерегиональными державами и использование «мягкой силы». Колоссальный электоральный потенциал, накопленный в 2000-е годы за время успешного в экономическом и политическом плане правления ПСР, девальвировал ценность тактического союза с либералами [Salacanin, 2019]; под-

держка либеральных кругов больше не требовалась для сохранения выгодного баланса сил. Финансово-экономический кризис в ЕС снизил привлекательность членства в Евросоюзе для многих слоев турецкого общества, а властям Турции дал повод усомниться в том, что расширение сотрудничества с ЕС является прочной гарантией финансово-экономической стабильности. В то же время события «арабской весны» заставили турецкое руководство провести тотальную ревизию внешней политики: в арсенал внешнеполитических методов вернулась «жесткая сила», подтверждением чему стали проекты строительства турецких военных баз на Ближнем Востоке и в Северной Африке, а также масштабные военные операции, которые турецкие власти стали проводить достаточно регулярно с середины 2010-х годов.

Ухудшение внутривнутриполитической ситуации к концу первой половины 2010-х годов (протесты защитников парка «Гези» летом 2013 г., масштабный коррупционный скандал в декабре 2013 г.) поставило на повестку дня необходимость поиска новых союзников – и ими стали турецкие евразийцы и националисты. О влиянии нового тактического союза на внешнеполитический курс Турции впервые заговорили в начале 2013 г., когда Реджеп Эрдоган заявил журналистам, что обсуждал с российским президентом Владимиром Путиным перспективу отказа Турции от вступления в ЕС взамен на полноправное членство в ШОС [Эрдоган: ШОС может., 2013].

В настоящее время внешнеполитическая линия Анкары представляет собой производную суммы исламистского дискурса правящей ПСР, национализма-тюркизма Партии националистического действия (ПНД) и евразийства партии «Родина», общим знаменателем для которой является антизападная риторика. Однако парадокс заключается в том, что заложенные кемалистами представления о «западных ценностях» оказалось крайне сложно полностью демонтировать; поэтому нынешняя гибридная внешняя политика Турции строится не только на основе сочетания евразийства, исламского дискурса и национализма-тюркизма, но и на причудливом балансе антизападной риторики и сохраняющихся элементов прозападного курса.

Другой парадокс евразийской внешней политики Турции 2010-х годов состоит в том, что Анкара, по сути, не смогла удовлетворить завышенные ожидания России и Китая на турецком направлении. Трагические события осени 2015 г. показали это со всей очевидностью: в середине ноября, принимая Россию на саммите G20 в Анталье, Турция оценивала двусторонние отношения в категориях «стратегического партнерства», а менее двух недель спустя сбила российский тактический фронтовой бомбардировщик, который, как показалось турецким военным, на несколько секунд нарушил воздушное пространство Турции.

Добиться прорыва в политических отношениях с Китаем также не удалось. Большую часть 2010-х годов Пекин обвинял Анкару в пособничестве трансферту боевиков из Синьцзян-Уйгурского автономного округа в радикальные группировки, воюющие в Сирии и других горячих точках Ближнего Востока [Colakoglu, 2018]. Несмотря на попытки сгладить ситуацию, уйгурский вопрос остается «камнем преткновения» в отношениях Пекина и Анкары. В свою очередь, Турции не удалось заручиться поддержкой России и Китая в борьбе с РПК. Анкара признала Исламское движение Восточного Туркестана террористической организацией, но не дождалась симметричного шага со стороны Пекина в отношении РПК. Россия, несмотря на настойчивые требования турецких властей, также пока не причислила РПК к террористам – в отличие от США и большинства стран ЕС, запретивших деятельность РПК на своей территории еще в начале 2000-х годов.

* * *

Внутриполитическая трансформация Турции в 2000-е и 2010-е годы в полной мере отразилась на изменении ее внешней политики практически по всем значимым параметрам: по уровню внешней активности, ее региональной направленности, идеологическому оформлению, используемым инструментам и риторике. Фундаментальным следствием этих процессов стала смена устоявшейся модели отношений со всеми ключевыми внешнеполитическими партнерами и поиск ее оптимальных характеристик. Нестабильность внешнеполитической конъюнктуры и стремительные изменения в ситуации в регионе Ближнего и Среднего Востока сущест-

венно осложнили для Турции задачу выработки новой модели внешней политики. Контуры этой новой модели можно обозначить в трех измерениях – европейском, американском и евразийском (отношениях с ЕС, США и Россией).

По мере сворачивания реформ демократизации во второй половине 2000-х годов и роста авторитарных тенденций в 2010-е годы гипотетическое членство Турции в ЕС большинству участников этого процесса стало казаться малоперспективным, особенно после путча 2016 г. и последовавших за ним массовых репрессий. Критика турецких властей со стороны европейских политиков и ответные резкие заявления руководства Турции еще больше накалили отношения Брюсселя и Анкары. Поскольку в глазах турецких политиков ЕС перестал быть мерилom политического прогресса и успешности демократических реформ, они принялись публично критиковать Евросоюз, показывая, что отношение Турции к членству в этой организации изменилось. При этом вся критика, исходящая от европейских политиков, и нелестные для турецких властей комментарии объявлялись несоответствующими действительности [Erdoğan criticizes., 2016]. Однако парадоксальным образом на фоне жесткой риторики в отношении друг друга функциональное сотрудничество Турции и ЕС не только не было приостановлено, но и продолжило развиваться. Иными словами, при снятии с повестки дня вопроса о членстве Турции в ЕС функциональная интеграция страны в европейские институты продолжилась, что стало отличительной чертой взаимоотношений Турции с ЕС во второй половине 2010-х годов.

В отношениях с ЕС у Турции де-факто сформировалась новая модель взаимодействия и сотрудничества, которую можно условно назвать «дифференцированной интеграцией». Эта дефиниция, с одной стороны, отражает масштаб включенности Турции в общеевропейское пространство в сфере политики, экономики, культуры и безопасности, с другой – подчеркивает фундаментальность обнажившихся расхождений в вопросах европейских ценностей демократии и прав человека. Турция, не являющаяся членом ЕС, в функциональном плане довольно глубоко интегрирована в общеевропейские институты. Подобная «дифференцированная

интеграция» отнюдь не является аномалией, поскольку существует немалое количество европейских стран, которые не входят в ЕС, но при этом интегрированы в Евросоюз на разных институциональных уровнях: Норвегия, Исландия, Швейцария – богатые и развитые страны. Великобритания после состоявшегося в 2016 г. референдума о выходе из ЕС тоже вступает в фазу дифференцированных отношений с Евросоюзом, что делает подобную практику новой нормативной реальностью ЕС.

Отношения Турции с США также проходят этап «маятниковых флуктуаций», динамику которых определяет ряд значимых расхождений по ключевым вопросам региональной политики. Для выработки новой модели внешней политики Турции динамика развития турецко-американских отношений за последние два десятилетия имеет принципиальное значение, поскольку отражает процесс формирования нового баланса приоритетов и ценностных установок, в котором ценностно-идеологическая солидарность с Западом, характерная для периода холодной войны, все больше уступает место соображениям, связанным с текущими и долгосрочными интересами Анкары. Вопросы политической идентичности потеряли первостепенную значимость, и новая политическая элита Турции 2000-х и 2010-х годов стала рассматривать партнерство с США в иной системе координат, где доминантами становятся текущие и потенциальные вызовы национальной безопасности, а также содействие, которое могут оказать западные союзники в их купировании. Даже членство в НАТО – символ стратегического партнерства Турции с Западом – перестало рассматриваться как стратегическая необходимость, а стало восприниматься как одна из стратегических возможностей, как инструмент укрепления позиций Турции на региональном и даже глобальном уровнях.

В 2010-е годы для усиления своей переговорной позиции во взаимодействии с США и ЕС Турция начала все более активно использовать евразийский вектор; хотя его сложно назвать реальной альтернативой, Турция все чаще апеллирует к нему в моменты обострения отношений с Западом. Конкретные проявления «евразийской альтернативы» или «поворота на Восток» во внешней политике Турции – сближение с Россией по широкому спектру во-

просов (от энергетического сотрудничества до кооперации в вопросах сирийского урегулирования), периодически декларируемый турецким президентом интерес к вхождению в ШОС, наращивание активности в Центральной Азии и расширение экономических отношений с Китаем.

Нынешний интерес Анкары к евразийству, с одной стороны, вызывает ощущение дежавю 1990-х – начала 2000-х годов, когда усиление «евразийского вектора» в политике Турции коррелировало с периодами напряженности в ее диалоге с Западом, с другой – отражает глобальные геополитические трансформации и общие тенденции, связанные со все возрастающим интересом к Евразии со стороны мировых держав как к региону, где расположены динамично развивающиеся страны, крупнейшие производители и поставщики энергоресурсов, а также наиболее перспективные рынки. Для Турции «поворот на Восток» имеет еще и другой смысл, помимо тех коннотаций, которые акцентируются в агрессивной риторике многих турецких политиков, – он отражает стремление турецкого руководства сделать многовекторность и многомерность ключевыми характеристиками своей внешней политики. Помимо императива «диверсификации» внешней политики, о котором в своих работах начала 2000-х годов писал и говорил Ахмет Давутоглу, «поворот на Восток» в полной мере соответствует требованиям прагматизма, укоренившимся в подходах к международной проблематике. За интересом Турции к евразийству отчетливо просматриваются геостратегические, экономические, энергетические интересы. В таком контексте отношения с Россией – это сотрудничество с важным экономическим партнером, который является ключевым поставщиком энергоресурсов для развития турецкой экономики; развитие партнерства с Китаем (в том числе и перспективы участия в инициативе «Один пояс и один путь») – это расчет на привлечение масштабных инвестиций для развития инфраструктуры и на открытие новых рынков для турецкого экспорта.

При этом «евразийская альтернатива» – это еще и важный стресс-тест для отношений Турции не только с региональными державами (от республик Центральной Азии до Ирана, Пакистана и Индии) и Россией, но и с ключевыми западными союзниками –

ЕС и США. Деградация отношений с Западом в 2010-е годы подталкивает Турцию к дальнейшей диверсификации своей внешней политики. Однако ЕС по-прежнему остается крупнейшим экономическим партнером Турции, существенно обходя и Китай, и Россию по совокупным объемам двусторонней торговли и по объемам инвестиций в турецкую экономику.

Иными словами, «евразийский вектор» внешней политики Турции – это не ответ на дилемму выбора между Западом и Востоком (в среднесрочной перспективе Турция объективно не сможет полностью отказаться от кооперации с ЕС и США), а поиск стратегического баланса между ними, который в полной мере отвечал бы ее интересам и амбициям. Насколько турецкая «евразийская альтернатива» пойдет на пользу российскому «повороту на Восток» зависит от того, смогут ли Турция и Россия в развитии двусторонних отношений на региональном и макрорегиональном уровнях найти такой формат сопряжения своих тактических и стратегических интересов и экономической интеграции, который по масштабу будет сопоставим с масштабом включенности Турции в западное политико-экономическое пространство.

Литература

Шлыков П.В. Евразийство и евразийская интеграция в политической идеологии и практике Турции // Сравнительная политика / МГИМО (У) МИД РФ. – М., 2017. – Т. 8, № 1. – С. 58–76.

Шлыков П.В. Турецко-американские отношения в зеркале ближневосточного и евро-атлантического измерений // Актуальные проблемы Европы / РАН. ИНИОН. – М., 2019. – № 1. – С. 184–228.

Эрдоган: ШОС может стать альтернативой Евросоюзу // МК. – М., 2013. – 26.01. – Режим доступа: <https://mk-turkey.ru/politics/2013/01/26/erdogan-shos-mozhet-stat-alternativoj-evrosoyuzu.html> (Дата обращения – 12.08.2019).

2016 Report on Turkey: European Parliament resolution of 6 July 2017 on the 2016 Commission Report on Turkey / European Parliament. – Brussels, 2017. – 06.07. – 12 p. – Mode of access: http://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-8-2017-0306_EN.pdf (Date of access – 12.08.2019).

ABD, Çin-Türk askeri ilişkilerinden rahatsız (TAMAMI) // Aydınlık. – İstanbul, 2011. – 01.10. – Mode of access: <https://www.aydinlik.com.tr/arsiv/abd-cin-tuerk-askeri-ilikilerinden-rahatsz> (Date of access – 12.08.2019).

Colakoglu S. Turkey-China relations: From «strategic cooperation» to «strategic partnership»? / Middle East Institute. – Wash., D.C., 2018. – 20.03. – Mode of access: <https://www.mei.edu/publications/turkey-china-relations-strategic-cooperation-strategic-partnership> (Date of access – 12.08.2019).

Erdoğan criticizes EU's double standard on press freedom // Daily Sabah. – Istanbul, 2016. – 26.11. – Mode of access: <https://www.dailysabah.com/eu-affairs/2016/11/26/erdogan-criticizes-eus-double-standard-on-press-freedom> (Date of access – 12.08.2019).

EU membership talks with Turkey should not be halted, Juncker says // Hürriyet Daily News. – Istanbul, 2017. – 03.08. – Mode of access: <http://www.hurriyetdailynews.com/eu-membership-talks-with-turkey-should-not-be-halted-juncker-says-116311> (Date of access – 12.08.2019).

EU-Turkey leaders' meeting in Varna (Bulgaria) / European Council. – Brussels, 2018. – 26.03. – Mode of access: <https://www.consilium.europa.eu/en/meetings/international-summit/2018/03/26/> (Date of access – 12.08.2019).

Goldberg J. The Obama Doctrine // Atlantic. – Wash., D.C., 2016. – April. – Mode of access: <https://www.theatlantic.com/magazine/archive/2016/04/the-obama-doctrine/471525/> (Date of access – 12.08.2019).

Juncker J.-C. State of the Union address 2017 / European Commission. – Brussels, 2017. – 13.09. – Mode of access: http://europa.eu/rapid/press-release_SPEECH-17-3165_en.htm (Date of access – 12.08.2019).

Kanat B.K., Hannon J. The Manbij roadmap and the future of US-Turkish relations // Middle East Policy. – Hoboken, NJ: John Wiley & Sons, 2018. – Vol. 25, Issue 3. – P. 111-123.

Karakaş C. EU-Turkey: Integration without full membership or membership without full integration? // J. of common market studies. – Hoboken, NJ: John Wiley & Sons, 2013. – Vol. 51, Issue 6. – P. 1057-1073.

Kirişçi K. The Idlib offensive could create a major refugee outflow: What should Turkey do? / Brookings Institution. – Wash., D.C., 2018. – 06.09. – Mode of access: <https://www.brookings.edu/blog/order-from-chaos/2018/09/06/the-idlib-offensive-could-create-a-major-refugee-outflow-what-should-turkey-do/> (Date of access – 12.08.2019).

Kirişçi K., Bülbül O. The EU and Turkey need each other: Could upgrading the customs union be the key? / Brookings Institution. – Wash., D.C., 2017. – 29.08. – Mode of access: <https://www.brookings.edu/blog/order-from-chaos/2017/08/29/the-eu-and-turkey-need-each-other-could-upgrading-the-customs-union-be-the-key/> (Date of access – 12.08.2019).

Kucukgocmen A., Gumrukcu T. Turkey told US it opposes sanctions on Iran // Reuters. – Istanbul, 2018. – 24.07. – Mode of access: <https://www.>

reuters.com/article/us-oil-iran-turkey/turkey-told-us-it-opposes-sanctions-on-iran-foreign-minister-idUSKBN1KE27J (Date of access – 12.08.2019).

Manevich D., Chwe H. Globally, more people see US power and influence as a major threat // Pew research center. – Wash., D.C., 2017. – 01.08. – Mode of access: <http://www.pewresearch.org/fact-tank/2017/08/01/u-s-power-and-influence-increasingly-seen-as-threat-in-other-countries/> (Date of access – 12.08.2019).

Manisalı E. Rusya, İran ve Türkiye'nin önemi // Cumhuriyet. – İstanbul, 2012. – 10.09. – Mode of access: http://www.cumhuriyet.com.tr/koseyazisi/369518/Rusya_iran_ve_Turkiye_8217_nin_Onemi_.html (Date of access – 12.08.2019).

Müftüler-Baç M. Turkey's future with the European Union: Alternative model of differentiated integration // Turkish studies. – Abingdon-on-Thames: Routledge, 2017. – Vol. 18, Issue 3. – P. 416–438.

Perinçek D. Kürşat, Pekos Bill'in at uşağı olur mu? // Aydınlık. – İstanbul, 2012. – 20.10. – Mode of access: <https://www.aydinlik.com.tr/arsiv/kursat-pekos-billin-at-usagi-olur-mu> (Date of access – 12.08.2019).

Polat S. S-400 sadece bir füze midir? // Aydınlık. – İstanbul, 2019. – 13.03. – Mode of access: <https://www.aydinlik.com.tr/s-400-sadece-bir-fuze-midir-soner-polat-kose-yazilari-mart-2019> (Date of access – 12.08.2019).

Remarks by President Obama to the Turkish Parliament // The White House. Office of the Press Secretary. – Wash., D.C., 2009. – 06.04. – Mode of access: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/remarks-president-obama-turkish-parliament> (Date of access – 12.08.2019).

Salacanın S. Not so splendid isolation: Erdogan's geopolitical nightmare // Qantara. – Berlin, 2019. – 19.02. – Mode of access: <https://en.qantara.de/content/not-so-splendid-isolation-erdogans-geopolitical-nightmare> (Date of access – 12.08.2019).

Solaker G. Turkey says it will not abide by renewed sanctions on Iran // Reuters. – Ankara, 2018. – 06.11. – Mode of access: <https://www.reuters.com/article/us-usa-iran-sanctions-turkey/turkey-says-it-will-not-abide-by-renewed-sanctions-on-iran-idUSKCN1NB0VI> (Date of access – 12.08.2019).

Turkish FM calls for joint efforts with Iran against PKK // Hürriyet Daily News. – Ankara, 2018. – 22.06. – Mode of access: <http://www.hurriyetdailynews.com/turkish-fm-calls-for-joint-efforts-with-iran-against-pkk-133656> (Date of access – 12.08.2019).

Türkiye'nin enerji profili ve stratejisi // T.C. Dışişleri Bakanlığı. – İstanbul, 2019. – Mode of access: http://www.mfa.gov.tr/turkiye_nin-enerji-stratejisi.tr.mfa (Date of access – 12.08.2019).

Türkiye-İran ekonomik ve ticari ilişkileri // T.C. Dışişleri Bakanlığı. – İstanbul, 2018. – Mode of access: <http://www.mfa.gov.tr/iran-ekonomisi.tr.mfa> (Date of access – 12.08.2019).

Ülgen S. Avoiding a divorce: A virtual EU membership for Turkey // Carnegie Europe. – Brussels, 2012. – 05.12. – Mode of access: <https://carnegieeurope.eu/2012/12/05/avoiding-divorce-virtual-eu-membership-for-turkey-pub-50218> (Date of access – 12.08.2019).

Zakaria F. Inside Obama's world: The President talks to TIME about the changing nature of American power // TIME. – N.Y., 2012. – 19.01. – Mode of access: <http://swampland.time.com/2012/01/19/inside-obamas-world-the-president-talks-to-time-about-the-changing-nature-of-american-power/> (Date of access – 12.08.2019).

DOI: 10.31249/ape/2020.01.06

Shlykov P.V.¹ ©, 2020
***Between the US, the EU and Eurasia:
Transformation of foreign policy priorities
of Turkey²***

Abstract. *The paper analyses the correlation between the transformation of Turkey's domestic politics and changes of its foreign policy according to several parameters – activism over time, change in activism towards different regions, as well as the change in style, tools, and rhetoric. Unstable international environment together with the rapid destabilization of the Middle East has significantly complicated the task of developing a new foreign policy model for Turkey. The paper examines this process in three interconnected dimensions – namely European, American and Eurasian vectors (Turkey's relations with the EU, the US, and Russia). In relations with the EU, Turkey has de facto formed a new model of interaction and cooperation («differentiated integration»), which on the one hand reflects the scale of Turkey's integration in the European*

¹ Shlykov Pavel Vyacheslavovich – Ph.D. in history, associate professor, Middle Eastern history department, Institute of Asian and African studies, Lomonosov Moscow State University, senior researcher, Department of Asia and Africa, INION RAS (shlykov@iaas.msu.ru).

² The study was carried out by a grant from the Russian Science Foundation (Project N 19-18-00142).

politics, economy, culture and security, on the other hand – displays the fundamental divergences in the approaches towards the European values of democracy and human rights. The relations with the US demonstrate «pendulum fluctuations» determined by a set of divergences on key issues of regional politics. The dynamics of Turkish-American relations over the past two decades is of fundamental importance for the development of Ankara's new foreign policy model because it reflects the emergence of essentially new balance of priorities and values, in which ideological solidarity with the West (characteristic of the Cold War years) is gradually ousted by Ankara's current interests and strategic concerns. The «Eurasian vector» of Turkish foreign policy does not represent a response to the dilemma of choosing between the West and the East, but suggests a search for a strategic balance between them for the sake of Turkey's own interests and ambitions. At the same time the «Eurasian alternative» acts as an important stress-test for Turkey's relations with Russia, regional powers and key Western allies.

Keywords: Turkey, EU, US, Russia, Turkish-American relations, Russian-Turkish relations, Europeanisation, Middle East, Eurasia, Turkish Eurasianism.

References

2016 Report on Turkey: European Parliament resolution of 6 July 2017 on the 2016 Commission Report on Turkey. (2017) / European Parliament. – Brussels. – 06.07. – 12 p. – Mode of access: http://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-8-2017-0306_EN.pdf (Date of access – 12.08.2019).

ABD, Çin-Türk askeri ilişkilerinden rahatsız-(TAMAMI). (2011) // Aydınlik. – Istanbul. – 01.10. – Mode of access: <https://www.aydinlik.com.tr/arsiv/abd-cin-tuerk-askeri-ilikilerinden-rahatsz> (Date of access – 12.08.2019).

Colakoğlu S. (2018). Turkey-China relations: From «strategic cooperation» to «strategic partnership»? / Middle East Institute. – Washington, D.C. – 20.03. – Mode of access: <https://www.mei.edu/publications/turkey-china-relations-strategic-cooperation-strategic-partnership> (Date of access – 12.08.2019).

Erdoğan criticizes EU's double standard on press freedom. (2016) // Daily Sabah. – Istanbul. – 26.11. – Mode of access: <https://www.dailysabah.com/eu-affairs/2016/11/26/erdogan-criticizes-eus-double-standard-on-press-freedom> (Date of access – 12.08.2019).

Erdoğan: SCO can become an alternative to the European Union [Erdoğan: ShOS mozhetsya stat' al'ternativoi Evrosoyuzu]. (2013) // MK. – Moscow. –

26.01. – Mode of access: <https://mk-turkey.ru/politics/2013/01/26/erdogan-shos-mozhet-stat-alternativoj-evrosoyuzu.html> (Date of access – 12.08.2019).

EU membership talks with Turkey should not be halted, Juncker says. (2017) // *Hürriyet Daily News*. – Istanbul. – 03.08. – Mode of access: <http://www.hurriyetdailynews.com/eu-membership-talks-with-turkey-should-not-be-halted-juncker-says-116311> (Date of access – 12.08.2019).

EU-Turkey leaders' meeting in Varna (Bulgaria). (2018) / European Council. – Brussels. – 26.03. – Mode of access: <https://www.consilium.europa.eu/en/meetings/international-summit/2018/03/26/> (Date of access – 12.08.2019).

Goldberg J. (2016). The Obama Doctrine // *Atlantic*. – Washington, D.C. – April. – Mode of access: <https://www.theatlantic.com/magazine/archive/2016/04/the-obama-doctrine/471525/> (Date of access – 12.08.2019).

Juncker J.-C. (2017). State of the Union address 2017 / European Commission. – Brussels. – 13.09. – Mode of access: http://europa.eu/rapid/press-release_SPEECH-17-3165_en.htm (Date of access – 12.08.2019).

Kanat B.K., Hannon J. (2018). The Manbij roadmap and the future of US-Turkish relations // *Middle East Policy*. – Hoboken, NJ: John Wiley & Sons. – Vol. 25, Issue 3. – P. 111–123.

Karakaş C. (2013). EU-Turkey: Integration without full membership or membership without full integration? // *J. of common market studies*. – Hoboken, NJ: John Wiley & Sons. – Vol. 51, Issue 6. – P. 1057–1073.

Kirişçi K. (2018). The Idlib offensive could create a major refugee outflow: What should Turkey do? / *Brookings Institution*. – Washington, D.C. – 06.09. – Mode of access: <https://www.brookings.edu/blog/order-from-chaos/2018/09/06/the-idlib-offensive-could-create-a-major-refugee-outflow-what-should-turkey-do/> (Date of access – 12.08.2019).

Kirişçi K., Bülbül O. (2017). The EU and Turkey need each other: Could upgrading the customs union be the key? / *Brookings Institution*. – Washington, D.C. – 29.08. – Mode of access: <https://www.brookings.edu/blog/order-from-chaos/2017/08/29/the-eu-and-turkey-need-each-other-could-upgrading-the-customs-union-be-the-key/> (Date of access – 12.08.2019).

Kucukgocmen A., Gumrukcu T. (2018). Turkey told US it opposes sanctions on Iran // *Reuters*. – Istanbul. – 24.07. – Mode of access: <https://www.reuters.com/article/us-oil-iran-turkey/turkey-told-us-it-opposes-sanctions-on-iran-foreign-minister-idUSKBN1KE27J> (Date of access – 12.08.2019).

Manevich D., Chwe H. (2017). Globally, more people see US power and influence as a major threat / *Pew research center*. – Washington, D.C. – 01.08. – Mode of access: <http://www.pewresearch.org/fact-tank/2017/08/01/u-s>

power-and-influence-increasingly-seen-as-threat-in-other-countries/ (Date of access – 12.08.2019).

Manisalı E. (2012). Rusya, İran ve Türkiye'nin önemi // Cumhuriyet. – İstanbul. – 10.09. – Mode of access: http://www.cumhuriyet.com.tr/koseyazisi/369518/Rusya_iran_ve_Turkiye_8217_nin_Onemi_.html (Date of access – 12.08.2019).

Müftüler-Baç M. (2017). Turkey's future with the European Union: Alternative model of differentiated integration // Turkish studies. – Abingdon-Thames: Routledge. – Vol. 18, Issue 3. – P. 416–438.

Perinçek D. (2012). Kürşat, Pekos Bill'in at uşağı olur mu? // Aydınlık. – İstanbul. – 20.10. – Mode of access: URL: <https://www.aydinlik.com.tr/arsiv/kursat-pekos-bill-in-at-usagi-olur-mu> (Date of access – 12.08.2019).

Polat S. (2019). S-400 sadece bir füze midir? // Aydınlık. – İstanbul. – 13.03. – Mode of access: <https://www.aydinlik.com.tr/s-400-sadece-bir-fuze-midir-soner-polat-kose-yazilari-mart-2019> (Date of access – 12.08.2019).

Remarks by President Obama to the Turkish Parliament. (2009) / The White House. Office of the Press Secretary. – Washington, D.C. – 06.04. – Mode of access: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/remarks-president-obama-turkish-parliament> (Date of access – 12.08.2019).

Salacanın S. (2019). Not so splendid isolation: Erdogan's geopolitical nightmare // Qantara. – Berlin. – 19.02. – Mode of access: <https://en.qantara.de/content/not-so-splendid-isolation-erdogans-geopolitical-nightmare> (Date of access – 12.08.2019).

Shlykov P.V. (2017). Eurasianism and Eurasian integration in the political ideologies and practice of Turkey [*Evraziistvo i evraziiskaya integratsiya v politicheskoi ideologii i praktike Turtsii*] // Comparative politics / MGIMO University. – Moscow. – Vol. 8, Issue 1. – P. 58–76.

Shlykov P.V. (2019). Turkish-American relations in the mirror of the Middle Eastern and Euro-Atlantic dimensions [*Turetsko-amerikanskie otnosheniya v zerkale blizhnjevoostochnogo i evro-atlanticheskogo izmerenii*] // Urgent problems of Europe / RAS. INION. – Moscow. – N 1. – P. 184–228.

Solaker G. (2018). Turkey says it will not abide by renewed sanctions on Iran // Reuters. – Ankara. – 06.11. – Mode of access: <https://www.reuters.com/article/us-usa-iran-sanctions-turkey/turkey-says-it-will-not-abide-by-renewed-sanctions-on-iran-idUSKCN1NB0VI> (Date of access – 12.08.2019).

Turkish FM calls for joint efforts with Iran against PKK. (2018) // Hürriyet Daily News. – Ankara. – 22.06. – Mode of access: <http://www.hurriyetdailynews.com/turkish-fm-calls-for-joint-efforts-with-iran-against-pkk-133656> (Date of access – 12.08.2019).

Türkiye'nin enerji profili ve stratejisi. (2019) // T.C. Dışışleri Bakanlığı. – Istanbul. – Mode of access: http://www.mfa.gov.tr/turkiye_nin-enerji-stratejisi.tr.mfa (Date of access – 12.08.2019).

Türkiye-İran ekonomik ve ticari ilişkileri. (2018) // T.C. Dışışleri Bakanlığı. – Istanbul. – Mode of access: <http://www.mfa.gov.tr/iran-ekonomisi.tr.mfa> (Date of access – 12.08.2019).

Ülgen S. (2012). Avoiding a divorce: A virtual EU membership for Turkey // Carnegie Europe. – Brussels. – 05.12. – Mode of access: <https://carnegieeurope.eu/2012/12/05/avoiding-divorce-virtual-eu-membership-for-turkey-pub-50218> (Date of access – 12.08.2019).

Zakaria F. (2012). Inside Obama's world: The President talks to TIME about the changing nature of American power // TIME. – New York. – 19.01. – Mode of access: <http://swampland.time.com/2012/01/19/inside-obamas-world-the-president-talks-to-time-about-the-changing-nature-of-american-power/> (Date of access – 12.08.2019).